НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ПОЛИТИКА

Общество «зеленщиков»

Почему массы соглашаются на редактирование своего социального «ДНК» и поломку морального общечеловеческого «кода»

12:04, 24 августа 2026,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА.

Съезд «Единой России». Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ

Лейтенант Келли <...> заявил в свое оправдание, что он и не считал вьетнамцев людьми.

Эрих Фромм «Анатомия человеческой

деструктивности»

Предвыборный съезд «Единой России» был отмечен не только предсказуемой атмосферой чрезвычайного воодушевления, которое в тоталитарных государствах исторически всегда питалось атмосферой спортивных сооружений, но и рядом резонансных оценок текущего положения.

В частности, экс-президент РФ Дмитрий Медведев с удовлетворением констатировал, что в Украине «уже исчезла половина населения и 20% случайно оказавшихся у нее территорий». Действующий же президент назвал удары по Украине «эффективными и своевременными», что оказалось более респектабельной версией посланий городу и миру от Минобороны, теперь разговаривающего с разнообразными целевыми аудиториями языком мемов — к фото трех «Гераней» был приделан «кэпшн»: «Зимой будет вам «заморозка». Чуждые нам англосаксы сказали бы: «Звучит как план».

Насилие поставлено на пьедестал, освящено мифами и легендами автаркической (в обиходе — «суверенной») истории и объявлено доблестью и моральной ценностью. Пропорциональным образом снижена и цена человеческой жизни, снова ставшей лишь биоматериалом для большого эпохального исторического процесса. Точнее, того, что верховной властью объявлено историческим процессом.

Язык мой и враг мой

За четыре с половиной года язык (социальный диалект) власти проделал серьезную эволюцию: он стал более откровенным, лишенным дипломатической вуали, снимающим табу с точки

зрения словесного расчеловечивания противника. Лингвистические особенности властного дискурса многое говорят и о социальной не столько эволюции, сколько деволюции общественных отношений внутри самой России, оставляющей немало вопросов социопсихологам, социолингвистам, антропологам. Если бы существовали такие отрасли знания, как эволюционная социобиология или палеополитология, процессы, происходящие в последние годы с массовым и «элитным» сознанием, с медиаповедением власти и подведомственного населения, они дали бы богатый материал для анализа.

Этот материал свидетельствует, что полузабытый Эрих Фромм с его «Анатомией человеческой деструктивности» побеждает значительно более позднего и модного автора Стивена Пинкера с его «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше», отражающей скорее тренды исторически короткого периода «конца истории» — когда казалось, что мировой порядок, установившийся после 1945 года и основанный на разделяемых человечеством правилах, нормах и принципах, укреплен «бархатными революциями» 1989 года (а они были революциями ценностей), обрушением Берлинской стены, а также распадом последней империи. Выяснилось, что этот распад не одномоментное действие (причем сильно запоздалое — о конце эпохи империй Шарль де Голль заявил еще в 1962 году, когда Франция ушла, наконец, из Алжира), а драма, имеющая продолжение. На сцене она заняла бы даже больше часов, чем грандиозная постановка «Берега утопии» Тома Стоппарда, и последний (последний ли?) акт начался лишь в 2022 году.

> Насилия же стало не просто больше, оно поставлено на пьедестал, освящено мифами и легендами автаркической (в обиходе —

> «суверенной») истории и объявлено доблестью и моральной ценностью.

Пропорциональным образом снижена и цена человеческой жизни, снова ставшей лишь биоматериалом для большого эпохального исторического процесса. Точнее, того, что верховной властью объявлено историческим процессом.

Ценность живого человека стала выше ценности мертвого — в этом результат, по Пинкеру, именно социальной, а не биологической эволюции человеческого существа. Возможно, так оно и было. Но мы видим обратимость этого процесса. Причем быструю и легкую — ввиду чрезвычайной адаптивности больших человеческих масс к навязываемым сверху способам «правильного» поведения. Возвратное движение к паттернам выживания в тоталитарных обстоятельствах, сам феномен возвратного тоталитаризма — не то чтобы по щелчку, но в результате долгой подготовки и порчи морали — действительно исключительный феномен.

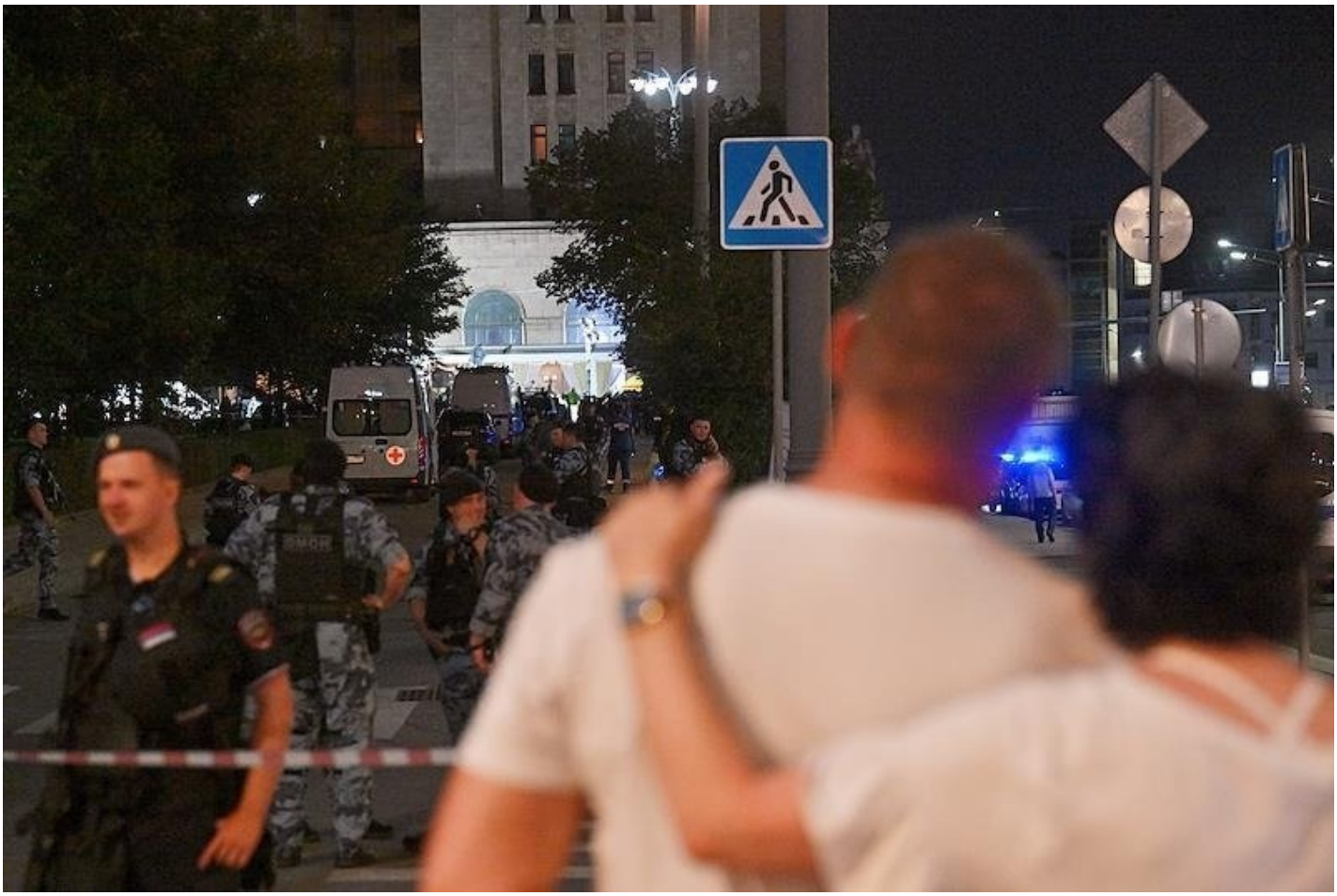


Фото: Дмитрий Лебедев / Коммерсантъ

Мы знаем по многочисленным научным работам, как общества и режимы входят в авторитаризм, а затем тоталитаризм, знаем, как, по словам выдающегося итальянского сценариста Чезаре Дзаваттини, миллионы людей живут при тоталитаризме «полной жизнью и делают из него миф», знаем, как государства и общества выходят из тоталитарного состояния, проходя непростые транзитные периоды, но все-таки счастливым образом достигая политической демократии и рыночной экономики. Последние годы обнаруживают риски возврата к авторитаризму (Польша, Венгрия), но сама возможность ротации власти сглаживает их — демократия имеет прикладной смысл. Менее известны феномены возврата к почти тоталитарному состоянию — и Россия сейчас представляет собой лабораторию такого реверсного «развития».

Оледенение совести, окаменение души

Снова и снова приходится задавать вопросы: как возможна

социальная деволюция такого масштаба — даже при всей банальности поведения масс в режимах жесткого типа? В эссе «Сила бессильных» Вацлав Гавел описывал зеленщика, который в овощной лавке повесил лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»: «Этот лозунг привезли нашему зеленщику с базы вместе с луком и морковью, а он повесил его в витрину просто потому, что так уж делается годами, что так делают все, что так должно быть. Если бы он этого не сделал, у него могли быть неприятности».

Семантика явления понятна и без французских структуралистов и тартуских семиологов, «зеленщик» посылает пространству следующий сигнал:

> «…я, зеленщик XY, нахожусь на месте и знаю, что должен делать; веду себя так, как от меня ожидают; на меня можно положиться и нельзя ни в чем упрекнуть; я послушный и потому имею право на спокойную жизнь».

Это сообщение, разумеется, имеет своего адресата: оно направлено «наверх», к начальникам зеленщика, и является одновременно щитом, которым зеленщик ограждает себя от возможных доносчиков.

«Веду себя так, как от меня ожидают» — это многое объясняет. Но сложнее понять, куда в «обществе зеленщиков», защищающих себя, девается даже не способность мыслить — ее-то «зеленщик» гонит от себя, а испытывать эмоции. В смысле — добрые эмоции, не ненависть, отличающую национализм от патриотизма, который есть любовь к своему без ненависти к чужому, а сопереживание, способность поставить себя на место того, в кого летит дрон или ракета, того, у кого горит дом и

сжигается дотла вся жизнь.

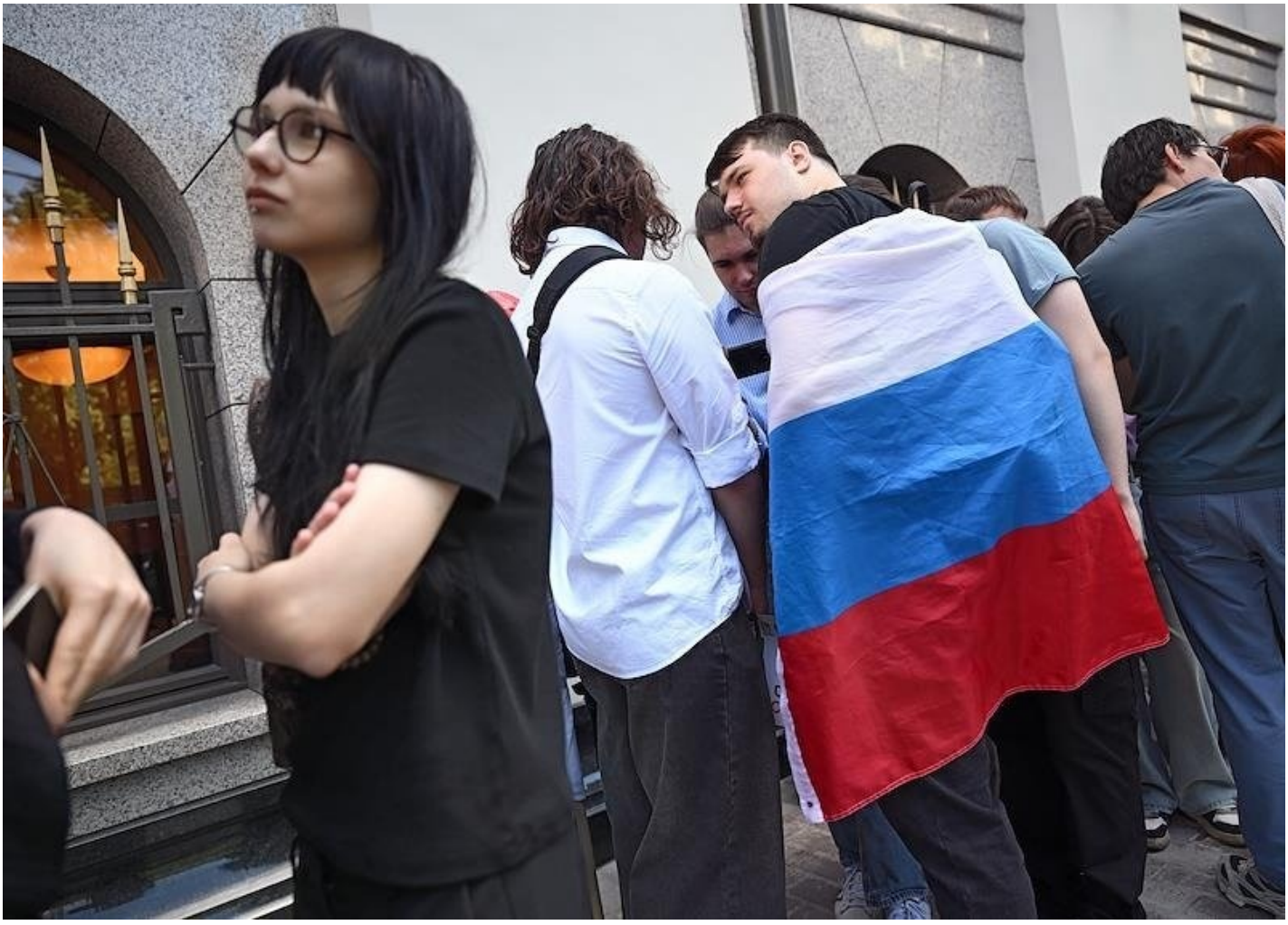
Почему совесть может оледенеть? Надо ли для этого специально приобретать криокамеру, или она замерзает сама собой, ввиду внешних атмосферных явлений? Почему окаменевает сочувствие другому, чужому? Почему склеротизируется жалость и эмпатия? Вот идет импульс сверху, сильный, надо признать импульс, февраля 2022-го — и возвращаются модели тоталитарного поведения. Но возникнет другой импульс, направленный в иную сторону, — и возникнет возвратная демократия. И знакомые нам «зеленщики» клянутся, что в тени верноподданического лозунга вели тайную подрывную работу и всегда ненавидели режим.

Как происходит мутация не только повседневной морали, но и морали христианской — как паства может забывать, прислушиваясь к словам высокопоставленного пастыря с волшебными часами, отражающимися только на полированной поверхности стола, о заповеди «не убий»? Как может верить в то, что грехи прощаются жертвой, принесенной в окопе?

> Тоталитаризм упрощает человека, делает его одномерным и выживающим, а не живущим.

Какие механизмы эволюционной социальной политологии приводят к решениям, принимаемым теми же многочисленными маленькими хозяевами жизни? Если судья выносит приговор размером в сталинские 12 лет, то он (или она) руководствуется мотивом «зеленщика», выставляющего лозунг, — то есть зарабатывает право на спокойную жизнь. Но как такая жизнь, после таких решений, может быть спокойной? «Зеленщик», в конце концов, всего лишь продает овощи, он не решает судьбы людей.

Это ведь правда социальная мутация, раз уж сама власть постоянно употребляет понятие «коды» и «ДНК». Идеологи власти, использующие эти понятия, выдают себя с головой: речь идет о редактировании социального гена, о поломке — сознательной — общественного ДНК. Палеополитология твердо знает — вирус тоталитаризма неубиваем, он может быть спящим, но есть технологии, позволяющие его разбудить. А чтобы отредактировать ДНК, нужно быть уверенным к готовности индивида к переработке его «персональных данных». И такое согласие очень многие дают. Хотя можно было и не давать.



Молодые люди у здания Верховного суда, где рассматривался иск о снятии партии «Яблоко» с выборов. Фото: Ирина Бужор / Коммерсантъ

Эмиграция из режима

Вопросы остаются. Понятно, почему удобнее жить в согласии с

политическим режимом, а не со своей совестью, — этот режим кажется вечным. Но почему согласие выражается в таких крайних формах? Можно вешать на себя защитные знаки. И молчать. Но почему с таким сладострастием нужно даже не говорить, но кричать — о своей любви к власти, о своем единстве с толпой, о ненависти к согражданам, объявляемым врагами? Причем в ситуации, когда все-таки есть способы тихонько постоять в стороне под крышей лозунга. Можно жить во лжи, но не помогать насаждать ложь. Можно имитировать поддержку власти, но не писать программы по распознаванию врагов в пдф-файлах и не выносить чудовищные приговоры.

Человек, который не готов принимать на себя роль «зеленщика», уходит в эмиграцию — не из страны, из политического режима.

> Создает сам себе и своим близким то, что в Вацлав Гавел называл «параллельным полисом». Его еще называют гражданским обществом, пусть оно и загнано аппаратом насилия, его добровольным помощниками и молчанием «зеленщиков» в почти подпольное существование.

Молодые люди, пришедшие к Верховному суду в дни снятия «Яблока» с выборов и вынесения приговора Льву Шлосбергу*, и есть этот «параллельный полис», и есть гражданское общество — ответственные граждане, не согласные на эксперименты по редактированию социального «ДНК» и не готовые мутировать вместе с так называемым «большинством». И разделять радость по поводу того, что у кого-то, кто не сделал тебе ничего плохого, горит дом. Это оставляет надежду на обратную эволюцию

человека как «животного политического» к моральному нетоталитарному состоянию. По Гавелу, на «нравственную реконструкцию общества»: «И вот еще вопрос: действительно ли «светлое будущее» — всегда лишь дело какого-то отдаленного «там»? А что если это, напротив, что-то, что уже давно «здесь», — и только наши слепота и бессилие мешают нам видеть и растить его вокруг себя и в себе?» Написано в 1978 году. Спустя 11 лет этот человек стал президентом своей страны.

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».